

Оригинальная статья

УДК 343.95

Внушение как гипотеза недостоверных показаний в Statement Validity Assessment

Ольга Васильевна АлександроваКалужский государственный университет имени К. Э. Циолковского
(Калуга, Россия)

o.alexandrowa@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7572-667X

Аннотация

Введение. Statement Validity Assessment (SVA) как инструмент оценки достоверности показаний в наши дни является методической основой судебной психологической экспертизы достоверности показаний, прежде всего, в немецкоязычных странах, где данный подход развивается в течение многих десятилетий, продолжая почти столетнюю традицию психологии показаний в Германии (нем. Aussagepsychologie), вобрав в себя и реализовав на практике многие идеи, которые зародились еще на заре становления юридической психологии в конце XIX в. Одной из таких идей является внушение как причина недостоверности показаний. **Методы исследования и результаты.** В статье рассматривается значение феномена внушения при оценке достоверности показаний в исторической перспективе, начиная со ставшего сенсационным процесса Берхтольда в 1896 г., в котором проблема внушения как причина недостоверности показаний, вероятно, была поднята впервые, и по наше время, когда гипотеза недостоверности показаний как результат внушения является одной из гипотез, подлежащих проверке экспертами в рамках SVA.

Ключевые слова

Statement Validity Assessment (SVA), Criteria-Based Content-Analysis (CBCA), судебная психологическая экспертиза, достоверность показаний, внушение (суггестия), Германия / ФРГ

Для цитирования: Александрова, О. В. (2025). Внушение как гипотеза недостоверных показаний в Statement Validity Assessment. *Российский девиантологический журнал*, 5 (3), 403–413.

Original paper

Suggestion as hypothesis of unreliable testimony in Statement Validity Assessment

Olga V. AleksandrovaKaluga State University named after K. E. Tsiolkovski
(Kaluga, Russia)

o.alexandrowa@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7572-667X

Abstract

Introduction. Statement Validity Assessment (SVA) as a tool for assessing the reliability of testimony is currently the methodological basis for forensic psychological examination of the reliability of testimony. Nowadays it is primarily used in German-speaking countries where this approach has been developed over many decades, continuing the almost century-long tradition of testimony psychology in Germany (German: Aussagepsychologie), having integrated and implemented in practice a great deal of ideas dating back to the dawn of legal psychology in the late 19th century. One of such ideas is suggestion as a cause of unreliability of evidence. **Research methods and results.** The article examines the significance of the phenomenon of suggestion in assessing the credibility of testimony from a historical perspective, starting with the sensational Berchtold trial in 1896, wherein the issue of suggestion as a cause of unreliable testimony seems to have been raised for the first time, and up to the present day, when the hypothesis of unreliable testimony as a consequence of suggestion is one of the hypotheses to be examined by experts within the framework of the SVA.

Keywords

Statement Validity Assessment (SVA), Criteria-Based Content-Analysis (CBCA), forensic examination, credibility of testimony, suggestion, Germany

For citation: Aleksandrova, O. V. (2025). Suggestion as hypothesis of unreliable testimony in Statement Validity Assessment. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (3), 403–413.

Введение

Получивший наибольшее развитие в немецкоязычных странах ориентированный на содержание подход к оценке достоверности показаний (нем. inhaltsorientierte Glaubhaftigkeitsanalyse), известный больше как Statement Validity Assessment (SVA) и являющийся в настоящее время методической базой судебной психологической экспертизы достоверности показаний в ряде стран, представляет собой сложную процедуру проверки альтернативных гипотез недостоверности и достоверности показаний. Принцип проверки альтернативных гипотез как обязательное методическое условие данного вида экспертизы закреплен, например, в решении Федерального Верховного суда ФРГ № BGH 1 Str 618/98 в 1999 г. и в решениях Кассационной палаты по уголовным делам Федерального суда Швейцарии № BGE 128 I 81 2001 г. и № BGE 129 I 49 2002 г.¹

Одной из альтернативных гипотез, которая может быть выдвинута экспертом-психологом при проведении экспертизы достоверности показаний, является гипотеза внушения. В ФРГ, где методика SVA активно развивалась с 50-х гг. XX в., названное решение Федерального Верховного суда 1999 г. наряду с прочими методическими принципами данного вида экспертизы упоминает необходимость принятия во внимание феномена внушения как источника недостоверных показаний, что, вероятно, было реакцией на резонансные процессы 90-х гг. прошлого столетия о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних (например, так называемые Вормские процессы, процессы Монтессори), в рамках которых деятельность сотрудников социальных ведомств и общественных организаций, целью которых являлось разоблачение сексуальных преступлений против несовершеннолетних лиц, носила выраженный суггестивный характер и в значительной мере определяла содержание показаний предполагаемых несовершеннолетних жертв. Необходимо заметить, что и в настоящее время данный вид экспертизы проводится преимущественно для оценки достоверности показаний детей о случаях пережитого сексуального насилия.

¹ Подробнее о методических принципах и процедуре SVA см. в других публикациях автора на elibrary.ru

Max Steller, один из ведущих немецких экспертов в области психологии показаний и участник некоторых громких процессов конца прошлого века, в своей книге «Ничего кроме правды. Почему каждый, будучи невиновным, может быть осужден?» пишет следующее о важности внимания к феномену внушения и его иногда катастрофических последствиях для правосудия: *«Многие люди, которые, будучи невиновными, были осуждены и сидят в тюрьмах, потому что кто-то другой что-то видел, что не соответствует действительности, и что этот другой принимает за реальность. Случается и так, что люди убеждают так долго других в том, что они сами считают реальностью, что другие тоже начинают в это верить. Внушение – это захватывающая тема, которая присутствует в любых человеческих отношениях. Если же речь идет о праве и его нарушении, свободе и тюрьме, нам необходимо обнаруживать внушение. Особенно тогда, когда речь идет о детях, которые зачастую беззащитно противостоят внушению – и часто с ужасными последствиями для них самих и их семей»* (Steller, 2015).

Как упоминалось выше, в настоящее время при оценке достоверности показаний в рамках SVA гипотезе внушения уделяется должное внимание, хотя данный феномен, безусловно, не является открытием последних десятилетий и был предметом обсуждения и исследования уже в конце XIX в., на заре становления юридической психологии. Так, William Stern, отец психологии показаний как отдельного направления юридической психологии в Германии, уже в начале XX в. утверждал, что по причине длительного смешения терминов «гипноз» и «внушение» последний приобрел паталогическое значение, хотя и в обыденной жизни внушение против воли и без осознания его лицом, ставшим объектом такого влияния, играет огромную роль и подлежит еще внимательному изучению в свете проблемы оценки показаний (Stern, 1903–1904). В. М. Бехтерев в своей монографии «Внушение и его роль в общественной жизни» писал о необходимости понимания термина «внушение» в широком смысле, т. е. под внушением следует понимать не только гипнотическое или постгипнотическое внушение, поскольку данный термин *«вместе с более близким изучением предмета получил более широкое значение»*, и *«внушение, понимаемое в широком смысле, является одним из способов воздействия одного лица на другое даже при обыденных условиях жизни»* (Бехтерев, 1908). Такое понимание феномена внушения сходно с тем пониманием, которое сегодня существует в SVA и в юридической психологии в целом.

Описание исследования

Первым опытом судебной психологической экспертизы достоверности показаний в Германии, целью которой была оценка особенностей функционирования памяти и эффектов внушения, Stern называет участие психиатров Hubert von Grashey и Albert von Schrenck-Notzinger в мюнхенском процессе Берхтольда 1896 г. о тройном убийстве, которые *«по настоянию защиты должны были выяснить, в какой мере возможно предположить, что в своих показаниях свидетели находились под впечатлением ежедневной литературы, посвящавшей сенсационному событию целые столбцы и множество иллюстраций»* (Stern, 1903–1904). Преступление стало сенсацией и в течение нескольких месяцев до начала судебного процесса широко освещалось прессой.

В 1897 г. была издана монография Schrenck-Notzinger «О внушении и фальсификации воспоминаний в процессе Берхтольда», которую автор начинает следующими словами: *«За несколько дней до окончания карнавала 1896 г. по Мюнхену разнеслась пугающая новость о том, что в доме 33 на Карлитрасе были обнаружены три трупа, принадлежащих проживавшим в том доме женщинам, смерть которых наступила в результате удушения. Изысканный образ действий преступника, идеальный порядок в квартире, отсутствие каких-либо улик понятным образом вызвали большой ажиотаж у публики и занимали интерес столичного населения»*

в течение длительного времени. Однако таинственный мрак вокруг преступления вскоре начал рассеиваться благодаря проявленному благоразумию и активной деятельности ведомств, которым было поручено расследование. Способ убийства, а также отсутствие наличных денег и ценных бумаг уже не оставляли сомнений в том, что это было разбойное нападение, ужаснее и страшнее которого не могло бы придумать даже самое смелое воображение. После проверки некоторых ложных следов расследование завершилось 21 февраля арестом каменщика Йоханна Берхтольда, который должен был нести ответ перед судом присяжных Верхней Баварии в течение целых двух недель – с 1 по 14 октября.

Благодаря участию газеты "Münchener Neuste Nachrichten" в предварительном расследовании, благодаря подробным сообщениям прессы в ходе судебного разбирательства, благодаря психологической точке зрения, которую представляла сторона защиты, напряженное внимание публики не ослабевало до завершения процесса. Присяжные, как известно, вынесли вердикт "виновен"» (Schrenck-Notzinger, 1897).

Спустя неделю после начала расследования молочник Гёттль сообщил, что за день или два до убийства видел рабочего в уборной дома убитых. На основании этой информации была выдвинута версия о том, что преступник получил доступ в дом под предлогом проведения ремонтных работ, и это позволило ему спланировать преступление. Следственные органы начали проверку рабочих, которые занимались в августе установкой сантехнического оборудования в доме 33 на Карлштрассе. Среди них оказался 33-летний каменщик Й. Берхтольд, который ранее уже был судим за кражу и насилие, и о котором ходили слухи, что он совершил еще два разбойных нападения. Й. Берхтольд стал главным подозреваемым в совершении разбойного нападения и убийстве трех женщин. Он был арестован 21 февраля 1896 г. У него не были обнаружены пропавшие из дома убитых деньги и ценные бумаги, но косвенное доказательство, заключавшееся в неожиданном и совпавшем по времени с преступлением улучшении финансового положения семьи Й. Берхтольда, убедило следственные органы в его вине. Й. Берхтольд отрицал свою причастность к преступлению и заявлял, что не бывал на Карлштрассе с августа, но заявляемое им алиби не могло быть подтверждено. Кроме того, несколько свидетелей опознали в нем мужчину, которого они видели недалеко от места преступления 14 февраля, когда предположительно было совершено преступление. Один из свидетелей заявлял, что видел мужчину, внешность которого соответствует описанию Й. Берхтольда, и который входил в дом 33 на Карлштрассе, в то время когда там было совершено преступление, и покинул дом примерно в обеденное время, вероятно, с раненой рукой. Другой свидетель видел того же мужчину, моющим руки в туалете. В течение предварительного расследования, которое длилось пять месяцев с момента ареста Й. Берхтольда, прокуратура и следственные органы получили дальнейшие доказательства, включая большое число свидетельских показаний против Й. Берхтольда. Выдвинутое обвинение по большей части основывалось на показаниях 210 свидетелей; вещественных доказательств было немного, но свидетельские показания убедили присяжных в виновности Й. Берхтольда. Вероятно, судебные решения, основанные только лишь на свидетельских показаниях, не были редкостью, но то, каким образом были получены свидетельские показания, а также подробное освещение данного процесса прессой привели адвоката Й. Берхтольда Rudolf von Pannwitz к размышлениям о потенциально деструктивных последствиях допуска прессы к расследованию для уголовного правосудия. Расследование не велось тайно, мюнхенская пресса принимала в нем самое активное участие, создавая атмосферу страха и ажиотажа вокруг процесса Берхтольда, что, в свою очередь, имело суггестивный эффект и привело к формированию предвзятого отношения к обвиняемому: публиковались показания свидетелей, фотографии обвиняемого, которые сопровождались утверждением вины Й. Берхтольда. Pannwitz полагал, что именно широкое вовлечение прессы

привлекло большое количество свидетелей, которые видели Й. Берхтольда только в публикациях и стали, по его мнению, жертвами возникших в результате внушения ложных воспоминаний (Wolffram, 2018).

Активная публичная дискуссия, по мнению Schrenck-Notzinger, имела действительно значительное суггестивное воздействие на свидетелей и стала причиной «ретроградной фальсификации воспоминаний», т. е., если обращаться к современной терминологии, появлению ложных воспоминаний: некоторые свидетели не смогли определить, является ли источником сообщаемых ими сведений непосредственное наблюдение или же сообщения прессы. Schrenck-Notzinger в своей монографии следующим образом описывает механизм данного феномена: *«Возникновение такой формы фальсификации воспоминаний в результате впечатления от услышанного или увиденного имеет исключительно суггестивную природу, поскольку сознание настолько занято возбужденными интенсивными представлениями, что противоположно направленные душевные связи, т. е. противоположные или сдерживающие представления более не могли проявить своего обычного действия в виде разумной критики. Пока мы не нашли для этого психического процесса более точного обозначения, мы вполне вправе обозначать его как внушение»* (Schrenck-Notzinger, 1897). В экспертном заключении Schrenck-Notzinger называет некоторые источники ложных воспоминаний у лиц без психических отклонений: недостаток понимания того, что воспоминания сопоставляются с актуальной реальностью, т. е. некоторые элементы события, которому посвящено воспоминание, всегда забываются, а воспоминание реконструируется; феномен *déjà vu*; ошибки перцепции и пр. Он полагал, что такие заблуждения объясняют противоречия, которые были в показаниях свидетелей в процессе Берхтольда. Опираясь на работы Emil Kraepelin и Anton Delbrück, демонстрирующие, что частичная фальсификация воспоминаний – весьма частое явление и у лиц без психических патологий, Schrenck-Notzinger описал, каким образом недостаточно отчетливые воспоминания могут быть приукрашены и фальсифицированы с течением времени. В процессе Берхтольда некоторые свидетели заявляли, что обвиняемый Й. Берхтольд был торговцем, который ходил три года назад по их домам. Schrenck-Notzinger полагал, что на неотчетливые воспоминания свидетелей о торговце, которого они лишь мельком видели у двери, наложились ассоциации и впечатления от сведений, полученных из прессы (т. е. фотографии обвиняемого и информация о преступлении и расследовании). Новые ассоциации и впечатления, «встроенные» в старые воспоминания, привели к «неосознаваемой ретроградной фальсификации» воспоминаний, для чего в условиях создаваемой прессой атмосферы страха не требовалось наличия каких-либо психических патологий (Wolffram, 2018).

Grashey считал, что в этом сенсационном процессе, в котором пресса принимала столь активное участие, не исключалось, что некоторые лица могли стать жертвами внушения, но они (вероятно, около 20 % от тех, кто заявлял, что видел Й. Берхтольда), по его мнению, страдали тем или иным психическим расстройством. Он утверждал, что психически здоровые лица внушаемы, но лишь одно это обстоятельство не может сделать их жертвами внушения, поскольку психически здоровые индивиды мобилизуют в таких случаях силу контрвнушения, чтобы защитить себя от внешнего влияния. Таким образом, Grashey хотя и допускал, что любой человек может быть подвергнут внушению, но не принимал точку зрения, что внушение может принимать масштаб смещения того, что было услышано и прочитано, с тем, что было в реальности, без того, чтобы имелась какая-либо патология. Schrenck-Notzinger хотя и соглашался со своим коллегой в том, что контрвнушение способно минимизировать эффект внушения, но настаивал на том, что такого рода внушение, которое имело место в процессе Берхтольда, не обязательно имеет патологическую природу. В итоге Grashey не обнаружил ни у одного из свидетелей каких-либо психических

расстройств. Schrenck-Notzinger считал, что только один из свидетелей вызывает обоснованные подозрения с точки зрения психиатрии (Wolffram, 2018).

Процесс Берхтольда стал одним из тех процессов, которые открыли юридической психологии в целом и психологии показаний в частности дверь в зал судебных заседаний, не в последнюю очередь благодаря деятельности таких адвокатов, как Pannwitz, проявившему интерес к достижениям современной науки и предпринявшему попытку привлечь экспертов не только для оценки способности выступать в роли свидетеля у лиц с психическими отклонениями, но и у психически здоровых лиц (Wolffram, 2018). Schrenck-Notzinger так оценивал значение и место экспертизы достоверности показаний в 1897 г., когда юридическая психология только делала первые шаги: *«Экспертиза достоверности свидетельских показаний будет необходима только в исключительных случаях, и ее скорее следовало бы избегать, если судьи сами владеют необходимыми для оценки достоверности показаний психологическими критериями. Напротив, совершенно недопустимыми представляются вывод, основанный на особенных обстоятельствах процесса Берхтольда, о ходе последующих судебных разбирательств и создание видимости того, что теперь психологический анализ свидетельских показаний должен войти в зал судебных заседаний на регулярной основе. Некоторые самые популярные газеты идут в своем обобщении еще дальше. Из проведенной в качестве исключения экспертизы противоречивых свидетельских показаний они даже делают вывод об угрозе обеспечению правового порядка. Такие преувеличения создают впечатление, что стреляют из пушки по воробьям!*

Необходимо только осознать имеющиеся реальные обстоятельства. Из 210 приглашенных свидетелей было 18, показания которых позволяют сделать вывод о внушении в результате чтения прессы. Из них по причине очень значимых противоречий только 5 были по инициативе суда подвергнуты критике» (Schrenck-Notzinger, 1897).

Процесс завершился смертным приговором, который был заменен пожизненным лишением свободы. Й. Берхтольд настаивал на своей невинности и утверждал, что показания свидетелей, которые видели его вблизи дома 33 на Карлштрассе, были ошибочны. В 1912 г. адвокат Й. Берхтольда Franz Giess подал ходатайство о возобновлении производства по вновь открывшимся обстоятельствам, полагая, что появление свидетелей, которые могут подтвердить алиби Й. Берхтольда, и спорная достоверность показаний, которые привели к осуждению Й. Берхтольда, будут достаточным основанием для возобновления производства. Giess весьма оптимистично оценивал уровень развития психологии показаний и степень ее признания юридическим сообществом: он писал, что психология показаний по своему состоянию на 1912 г. была разработана в самых тонких деталях, а также повсеместно применялась и практиковалась в судах. Вероятно, такая позитивная оценка была следствием сравнения с ситуацией 1896 г., когда привлечение экспертов к оценке достоверности показаний психически здоровых свидетелей подверглась критике прессы, юридического сообщества и даже самих экспертов. Ходатайство о возобновлении производства не было удовлетворено. Процесс Берхтольда нередко рассматривается как первый случай практического применения психологии показаний в судебной процессе, в рамках которого также были подняты и обсуждались значимые для юридической психологии и судебной психологической экспертизы вопросы: относится ли оценка достоверности показаний лиц без психических патологий к исключительной компетенции судей, обладают ли последние необходимой для этого квалификацией, допустимо ли привлечение эксперта; соотношение компетенций психиатра и психолога, так как представления о границах между психической нормой и патологией менялись; необходимость подготовки юристов в области юридической психологии (Wolffram, 2018).

Stern еще в 1904 г. выделял два вида суггестии: активную и пассивную. Под активным внушением он понимал исходящее от какого-либо лица (суггестора) влияние; пассивное внушение он описывал как ситуативное психическое состояние, заключающееся в восприимчивости к суггестивному воздействию, которая не зависит от наличия активной суггестии. Пассивная суггестия основывается на ситуации дефицита, отражающей общую или ситуативную структуру потребностей, которые можно разделить на следующие группы: 1) аффективные (дефицит любви, доверия, безопасности, уровень самооценки); 2) когнитивные (пробелы в воспоминаниях и знаниях, недостаточно развитое логическое мышление); 3) структурные (недостаточная ясность ситуации). Появление эффектов внушения возможно с большей вероятностью объяснить как результат взаимодействия активных действий суггестора и психического состояния субъекта внушения (Gheorghiu, 1989; Volbert, 2008). Заметим, что непосредственное воздействие со стороны третьего лица не всегда необходимо, поскольку существуют и автосуггестивные процессы, которые развиваются без внешнего воздействия. Тем не менее активное обсуждение какого-либо вопроса в СМИ может стать отправной точкой для появления эффектов самовнушения (Volbert, 2023), что и было предметом дискуссии в процессе Берхтольда в конце XIX в., а сегодня рассматривается в рамках SVA как один из возможных источников неинтенциональных недостоверных показаний. По этой причине процедура SVA предусматривает помимо исследования способности свидетеля выступать в роли такового (т. е. свидетельской дееспособности) и качественной стороны показаний (в том числе оценку с помощью системы критериев достоверности) также и исследование генезиса показаний, т. е. истории их развития. В случае обнаружения фактов воздействия, которые обладают суггестивным потенциалом, система критериев достоверности не может быть применена для оценки достоверности показаний, так как не позволяет различать достоверные показания и показания, возникшие в результате суггестии, что было подтверждено исследованиями (Erdman, 2001). В немецкоязычных странах, где SVA является признанной методической основой судебной психологической экспертизы достоверности показаний, данное обстоятельство побуждает юридических психологов обращаться к проблемам организации допроса и психотерапии, так как допрос и психотерапия представляют собой ситуации, в которых вероятность суггестивного воздействия возможна и в некоторых случаях даже высока. И если проблеме организации допроса (особенно допроса детей) с низким суггестивным потенциалом в западных странах посвящено большое число исследований, пособий (например, пособие по допросу детей с учетом возрастного развития Niehaus et al. (Niehaus, Volbert, & Fegert, 2017), то дискуссия между судебными экспертами-психологами и психотерапевтами еще ведется.

Немецкая Независимая комиссия по выявлению случаев сексуального насилия над детьми в «Рекомендациях по улучшению ситуации лиц, ставших жертвами сексуального насилия в детском и юношеском возрасте, в ходе следствия и уголовного судебного процесса» 2020 г. утверждает: *«Чтобы избежать подозрения в наличии суггестивного воздействия, следственные органы среди прочего советуют родителям и детям не вести никаких разговоров о событии. Нередко советуют отказаться от травмотерапии, иногда даже от любых форм психотерапии, несмотря на то что терапия, направленная лишь на стабилизацию состояния, не должна иметь никакого влияния на показания, если она проводится профессионально. Таким образом, детей лишают необходимой им помощи и поддержки»* (Empfehlungen zur Verbesserung der Situation von sexueller Gewalt in Kindheit und Jugend betroffener Menschen in Ermittlungs- und Strafverfahren, 2020). Описанная в данной цитате позиция отказа от психотерапии представляется утрированной и в целом не разделяется судебными экспертами-психологами в Германии, если соблюдается ряд условий. Так, J. Schemmel и R. Volbert в своей статье «Терапия или достоверность? Психотерапия во время уголовного процесса» выражают следующее

мнение: «Потерпевшим иногда советуют не начинать психотерапию во время ещё незавершённого уголовного процесса, т. к. это может привести к изменению воспоминаний не в пользу их достоверности. ...при наличии специфических условий проведения психотерапии действительно возможно появление ложных воспоминаний, ... суггестивное воздействие психотерапии значительно ниже, если проблематичные условия отсутствуют. Например, если терапия начата только после того, как были даны показания следственным органам. Терапевтическое вмешательство, направленное на стабилизацию психического состояния в настоящем, не представляет опасности в плане воздействия на процессы памяти. Методы терапии, которые сфокусированы на психотравме, подразумевают интенсивную работу с воспоминаниями о предполагаемом преступлении и могут при некоторых условиях привести к их изменению, но такие методы рекомендованы в случае ПТСР. Если уже имеются показания, свободные от такого рода воздействия, и не ведется работа с воспоминаниями, целью которой является целенаправленное их обнаружение (восстановление), возможное влияние на воспоминания находится в более ограниченных рамках, и его возможно установить посредством сравнения показаний данных до и после такой работы. Даже если психотерапия может при определенных условиях привести к появлению ложных воспоминаний, то общая рекомендация отказаться от терапии на время уголовного процесса с профессиональной точки зрения необоснована» (Schemmel & Volbert, 2022). Следовательно, сообщество судебных экспертов-психологов не выступает против психотерапии во время уголовного процесса, когда показания являются основным или единственным доказательством, но призывают с осторожностью относиться к сомнительным психотерапевтическим подходам, например, таких, как Mind control (расщепление личности), восстановление ранее отсутствующих воспоминаний, а также критически относятся к позиции Независимой комиссии по выявлению случаев сексуального насилия над детьми, которая заключается в безапелляционном признании статуса жертвы лишь на основании самоприсвоения себе данной роли предполагаемой жертвой и оценке исследования наличия научно обоснованных признаков внушения как дискредитирующих предполагаемую жертву (Mokros et al., 2024; Niehaus, 2019; Niehaus & Krause, 2023; Schröder et al., 2023).

Заключение

Несмотря на то что в российской практике судебной психологической экспертизы эксперту-психологу может быть задан вопрос о наличии признаков воздействия на дающее показания лицо, подход к проблеме внушения в России пока не приобрел комплексного характера, свойственного немецкоязычным странам вследствие длительной традиции судебной психологической экспертизы достоверности показаний, которая сложилась и существует многие десятилетия, и весьма высокой степени научной разработанности проблемы внушения в западных странах. В России также предпринимаются попытки разработки методик оценки достоверности показаний, но в алгоритм ни одной из них пока не включен этап выявления признаков внушения, как это имеет место в SVA (Алиэскеров, Енгальчев, 2004; Горолов, Енгальчев, 1988; Енгальчев, 2017; Енгальчев, Юнда, 2010).

Список литературы

- Алиэскеров, М. А., Енгальчев В. Ф. (2004). Юридический психолог в гражданском судопроизводстве: возможности и функции. *Арбитражный и гражданский процесс*, 3, 21–26.
- Бехтерев, В. М. (1908). *Внушение и его роль в общественной жизни*. Санкт-Петербург: издание К. Л. Риккера.
- Горелов, И. Н., Енгальчев, В. Ф. (1988). Невербальные компоненты общения на допросе. *Tartu riikliku ülikooli toimetised (Ученые записки Тартуского университета)*, 815, 124–134.

- Енгалычев, В. Ф. (2017). Психологический анализ поведения, зафиксированного на видеозаписи, как новое направление судебной психологической экспертизы. В *Психологическая экспертиза и комплексные судебные исследования видеозаписей: сборник научных статей* (стр. 11–16). Москва: Российский государственный университет правосудия.
- Енгалычев, В. Ф., Юнда, А. В. (2010). Проблема выявления недостоверных и ложных сообщений в экспертной беседе. В *Актуальное состояние и перспективы развития судебной психологии в Российской Федерации: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием* (стр. 138–144). Калуга: Издательство Калужского государственного педагогического университета им. К. Э. Циолковского.
- Empfehlungen zur Verbesserung der Situation von sexueller Gewalt in Kindheit und Jugend betroffener Menschen in Ermittlungs- und Strafverfahren (2020). *Unabhängige Kommission zur Aufarbeitung sexuellen Kindesmissbrauchs*. <https://www.aufarbeitungskommission.de/mediathek/empfehlungen-straftverfahren-sexuelle-gewalt/>
- Erdman, K. (2001). *Induktion von Pseudoerinnerungen bei Kindern. Möglichkeiten und Grenzen aussagepsychologischer Diagnostik bei suggerierten Aussagen*: Dissertation. Freie Universität Berlin. <http://dx.doi.org/10.17169/refubium-5146>
- Gheorghiu, V. A. (1989). The development of research in suggestibility: Critical considerations. In V. A. Gheorghiu, P. Netter, H.J. Eysenck & R. Rosenthal (Eds.), *Suggestion and suggestibility: Theory and research* (pp. 3–55). New York: Springer.
- Mokros, A., Schemmel, J., Oeberst, A., Körner, A., & Imhoff, R. et al. (2024). Entgegnung: Unterschiedliche Überzeugungen, aber nur eine Wahrheit. *Psychologische Rundschau*, 75 (3), 231–233. <https://doi.org/10.1026/0033-3042/a000677>
- Niehaus, S. (2019). Im Interesse kindlicher Opfer. In: Stadt Wien (Hrsg.), *Zwischen Verdacht und Vertrauen – Forensische Aspekte der Jugendamtspsychologie. Bericht über die 66. Tagung der österreichischen Kinder- und Jugendhilfe-psycholog(inn)en* (S. 147–162).
- Niehaus, S., & Krause, A. (2023). Denn sie wissen (nicht), was sie tun: Die Hamburger ORG-Studien über Mind Control, gezielte Persönlichkeitsaufspaltungen und induzierte Amnesien. Die ausführlichere Replik auf die Kritik von Schröder et al. *Praxis der Rechtspsychologie*, 33 (2). Online First.
- Niehaus, S., Volbert, R. & Fegert, J. M. (2017). *Entwicklungsgerechte Befragung von Kindern in Strafverfahren*. Springer-Verlag GmbH Deutschland. <https://doi.org/10.1007/978-3-662-53863-0>
- Schemmel, J., & Volbert, R. (2022). Therapie oder Glaubhaftigkeit? Psychotherapeutische Behandlung bei laufenden Strafverfahren. In R. Deckers, G. & Könken (Hrsg.), *Die Erhebung und Bewertung von Zeugenaussagen im Strafprozess* (S. 25–44). Berliner Wissenschafts-Verlag.
- Schrenk-Notzinger, A. (1897). *Über Suggestion und Erinnerungsfälschung im Berchtold-Process* (Verhandlung wegen dreifachem Raubmord und Diebstahl vor dem oberbayerischen Schwurgericht vom 1.-14. oct. 1896). Johann Ambrosius Barth. Leipzig.
- Schröder, J., Nick, S., Andresen, S., Gahleitner, S., Kavemann, B., Richter-Appelt, H., & Briken, P. (2023). Brief an die Redaktion – Unberechtigte Unterstellungen im Artikel „Wissenschaftsorientierung in Sexualstrafverfahren in Gefahr: Fortschritte und Opferinteressen stehen auf dem Spiel“ von Niehaus & Krause 2023 veröffentlicht in *Praxis der Rechtspsychologie* 2/23. *Praxis der Rechtspsychologie*, 33 (2), 1–3.
- Steller, M. (2015). *Nichts als die Wahrheit? Warum jeder unschuldig verurteilt werden kann*. München: Wilhelm Heyne Verlag.
- Stern, W. (1903–1904). *Beiträge zur Psychologie der Aussage*. 1. Leipzig: J. A. Barth.
- Volbert, R., & Steller, M. (2023). Glaubhaftigkeit. In Th. Bliesener, F. Lösel, K.-P., Dahle (Hrsg.), *Lehrbuch Rechtspsychologie* (S. 387–404). <https://doi.org/10.1024/86116-000>

- Volbert, R. (2008). Suggestion. In R. Volbert & M. Steller (Hrsg.), *Handbuch der Rechtspsychologie* (S. 331–341). Göttingen: Hogrefe.
- Wolffram, H. (2018). *Forensic psychology in Germany*. Witnessing Crime, 1880–1939. Palgrave Macmillan Cham. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-73594-8>

References

- Alieskerov, M. A., Engalychev V. F. (2004). Yuridicheskij psiholog v grazhdanskom sudoproizvodstve: vozmozhnosti i funkcii. *Arbitrazhnyj i grazhdanskij process*, 3, 21–26.
- Bekhterev, V. M. (1908). *Vnushenie i ego rol' v obshchestvennoj zhizni*. Saint Petersburg: izdanie K. L. Rikera.
- Gorelov, I. N., Engalychev, V. F. (1988). Neverbal'nye komponenty obshcheniya na doprose. *Tartu riikliku ülikooli toimetised* (Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta), 815, 124–134.
- Engalychev, V. F. (2017). Psihologicheskij analiz povedeniya, zafiksirovannogo na videozapisi, kak novoje napravlenie sudebnoj psihologicheskoy ekspertizy. V *Psihologicheskaya ekspertiza i kompleksnye sudebnye issledovaniya videozapisej*: sbornik nauchnyh statej (str. 11–16). Moskow: Rossijskij gosudarstvennyj universitet pravosudiya.
- Engalychev, V. F., Yunda, A. V. (2010). Problema vyyavleniya nedostovernyh i lozhnyh soobshchenij v ekspertnoj besede. V *Aktual'noe sostoyanie i perspektivy razvitiya sudebnoj psihologii v Rossijskoj Federacii*: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (str. 138–144). Kaluga: Izdatel'stvo Kaluzhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. K. E. Ciolkovskogo.
- Empfehlungen zur Verbesserung der Situation von sexueller Gewalt in Kindheit und Jugend betroffener Menschen in Ermittlungs- und Strafverfahren (2020). *Unabhängige Kommission zur Aufarbeitung sexuellen Kindesmissbrauchs*. <https://www.aufarbeitungskommission.de/mediathek/empfehlungen-straferverfahren-sexuelle-gewalt/>
- Erdman, K. (2001). *Induktion von Pseudoerinnerungen bei Kindern. Möglichkeiten und Grenzen aussagepsychologischer Diagnostik bei suggerierten Aussagen*: Dissertation. Freie Universität Berlin. <http://dx.doi.org/10.17169/refubium-5146>
- Gheorghiu, V. A. (1989). The development of research in suggestibility: Critical considerations. In V. A. Gheorghiu, P. Netter, H.J. Eysenck & R. Rosenthal (Eds.), *Suggestion and suggestibility: Theory and research* (pp. 3–55). New York: Springer.
- Mokros, A., Schemmel, J., Oeberst, A., Körner, A., & Imhoff, R. et al. (2024). Entgegnung: Unterschiedliche Überzeugungen, aber nur eine Wahrheit. *Psychologische Rundschau*, 75 (3), 231–233. <https://doi.org/10.1026/0033-3042/a000677>
- Niehaus, S. (2019). Im Interesse kindlicher Opfer. In: Stadt Wien (Hrsg.), *Zwischen Verdacht und Vertrauen – Forensische Aspekte der Jugendamtspsychologie. Bericht über die 66. Tagung der österreichischen Kinder- und Jugendhilfe-psycholog(inn)en* (S. 147–162).
- Niehaus, S., & Krause, A. (2023). Denn sie wissen (nicht), was sie tun: Die Hamburger ORG-Studien über Mind Control, gezielte Persönlichkeitsaufspaltungen und induzierte Amnesien. Die ausführlichere Replik auf die Kritik von Schröder et al. *Praxis der Rechtspsychologie*, 33 (2). Online First.
- Niehaus, S., Volbert, R. & Fegert, J. M. (2017). *Entwicklungsgerechte Befragung von Kindern in Strafverfahren*. Springer-Verlag GmbH Deutschland. <https://doi.org/10.1007/978-3-662-53863-0>
- Schemmel, J., & Volbert, R. (2022). Therapie oder Glaubhaftigkeit? Psychotherapeutische Behandlung bei laufenden Strafverfahren. In R. Deckers, G. & Könken (Hrsg.), *Die Erhebung und Bewertung von Zeugenaussagen im Strafprozess* (S. 25–44). Berliner Wissenschafts-Verlag.

- Schrenk-Notzinger, A. (1897). *Über Suggestion und Erinnerungsfälschung im Berchtold-Process* (Verhandlung wegen dreifachem Raubmord und Diebstahl vor dem oberbayerischen Schwurgericht vom 1.-14. oct. 1896). Johann Ambrosius Barth. Leipzig.
- Schröder, J., Nick, S., Andresen, S., Gahleitner, S., Kavemann, B., Richter-Appelt, H., & Briken, P. (2023). Brief an die Redaktion – Unberechtigte Unterstellungen im Artikel „Wissenschaftsorientierung in Sexualstrafverfahren in Gefahr: Fortschritte und Opferinteressen stehen auf dem Spiel“ von Niehaus & Krause 2023 veröffentlicht in *Praxis der Rechtspsychologie* 2/23. *Praxis der Rechtspsychologie*, 33 (2), 1–3.
- Steller, M. (2015). *Nichts als die Wahrheit? Warum jeder unschuldig verurteilt werden kann*. München: Wilhelm Heyne Verlag.
- Stern, W. (1903–1904). *Beiträge zur Psychologie der Aussage*. 1. Leipzig: J. A. Barth.
- Volbert, R., & Steller, M. (2023). Glaubhaftigkeit. In Th. Bliesener, F. Lösel, K.-P., Dahle (Hrsg.), *Lehrbuch Rechtspsychologie* (S. 387–404). <https://doi.org/10.1024/86116-000>
- Volbert, R. (2008). Suggestion. In R. Volbert & M. Steller (Hrsg.), *Handbuch der Rechtspsychologie* (S. 331–341). Göttingen: Hogrefe.
- Wolffram, H. (2018). *Forensic psychology in Germany*. Witnessing Crime, 1880–1939. Palgrave Macmillan Cham. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-73594-8>

Информация об авторе

Ольга Васильевна Александрова – аспирант кафедры общей и социальной психологии Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского.

About the author

Olga V. Aleksandrova – postgraduate student at the Department of General and Social Psychology, Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 24.03.2025
Одобрена после рецензирования 28.08.2025
Опубликована 28.10.2025

Submitted March 24, 2025
Approved after reviewing August 28, 2025
Accepted October 28, 2025